

Часть первая

По ту сторону

1

— Ну что, начнем?
— Да. Но сначала позвольте задать вам еще вопрос. Последний.

— Пожалуйста.

— Почему вы согласились взяться за эту книгу?

— Разве я вам не сказал? Из-за денег. Я пишу и этим зарабатываю себе на жизнь.

— Да, знаю, но вы согласились только по этой причине?

— Не часто представляется возможность писать о таком персонаже, как Сарко*.

— Сарко интересовал вас до того, как вам предложили написать книгу о нем?

— Разумеется, как и всех.

— Но история, которую я собираюсь рассказать вам, не совсем о Сарко, а о моих отношениях с ним, а также с...

— Мы об этом уже говорили. Можем начинать?

— Давайте.

— Когда вы познакомились с Сарко?

— В начале лета 1978 года. Это было странное время. Или мне оно помнится таким. Франко умер три года назад, но страна еще жила по его законам, и все вокруг

---

* От исп. zarco — голубоглазый. — Здесь и далее примеч. пер.

по-прежнему было пропитано смрадом франкизма. На тот момент мне было шестнадцать лет, как и Сарко. Мы жили очень близко и в то же время очень далеко друг от друга.

— Что вы имеете в виду?

— Вы хорошо знаете наш город?

— Поверхностно.

— Город тех времен не похож на нынешний. По большому счету в тогдашней Жироне мало что изменилось со времен окончания войны. Это был сумрачный, провинциальный, клерикальный городишко, окруженный полями и окутанный туманом. Я не говорю, что нынешняя Жирона лучше, чем прежняя, — в определенном смысле она даже хуже. В общем, теперь она другая. Например, раньше город был окружен кольцом кварталов, где жили «чарнегос». Сейчас это слово вышло из употребления, но тогда так называли приезжих, перебравшихся в Каталонию из других регионов Испании. Это были нищие люди, не имевшие ничего за душой и приезжавшие сюда в надежде найти хоть какую-то возможность заработать себе на жизнь. Хотя, конечно, все это вам известно. Однако вы, возможно, не знаете, что город в конце семидесятых годов был опоясан кварталами «чарнегос»: Сал, Пон-Мажор, Жерман-Сабат, Виларроха. Там обитали низы общества.

— И Сарко жил там?

— Нет, в районе бараков, располагавшихся на северо-восточной окраине города. Сам я жил в двухстах метрах оттуда, с единственной разницей, что Сарко обитал по ту сторону границы, проходившей, подобно водоразделу, за парком Ла-Девеса и рекой Тер, а я — по эту сторону. Мой дом находился на улице Катерина-Альберт, на месте нынешнего района Ла-Девеса. Тогда это была самая окраина, где не было ничего или почти ни-

чего, кроме огромных пустырей и садов. Десятью годами ранее, в шестидесятые, там построили несколько изолированных блоков домов, и в одном из них мои родители сняли квартиру. Это тоже был квартал «чарнегос», однако проживавшие в этом месте люди были не столь бедны, как основная часть приезжих. Большинство жильцов являлись служащими, и моя семья принадлежала к такому же слою. Отец занимал скромную должность в городском совете. Эти люди тоже были приезжими, но они не считали себя «чарнегос» и не желали ничего знать о настоящих «чарнегос», во всяком случае, о бедноте из Сал, Пон-Мажор, Жерман-Сабат и Виларроха. Ни тем более об обитателях окраинных трущоб. Уверен, большинство людей с Катерина-Альберт никогда даже не переступали границу этих бедняцких территорий, не говоря уже о жителях самого города. Некоторые, возможно, даже не подозревали о существовании подобных трущоб или просто делали вид, будто им это не известно. Но лично я знал. Правда, не имел понятия, что они собой представляли, и никогда там не бывал. Мне было известно, что они существуют, я слышал рассказы о них — как своего рода легенду, которую никто не мог ни подтвердить, ни опровергнуть. Для нас, парней из нашего квартала, само слово «барак» обладало неким романтическим ореолом, волнующей притягательностью. От него веяло духом приключенческого романа. Вот почему я сказал, что в те времена жил очень близко и очень далеко от Сарко: между моим и его миром тогда проходила граница.

— И как вы перешли через нее? Каким образом молодой человек из среднего класса мог подружиться с таким типом, как Сарко?

— В шестнадцать лет все границы преодолимы — во всяком случае, в те времена это было так. Кроме того,

свою роль сыграло стечение обстоятельств. Но, прежде чем перейти к данной истории, я должен сначала рассказать вам другую.

— Слушаю вас.

— Я никогда никого не посвящал в эти подробности... ну, то есть никого, за исключением своего психоаналитика. Но если я вам все это не расскажу, вы не поймете, как и почему я познакомился с Сарко.

— Не беспокойтесь: я не стану включать в свою книгу то, что вы не хотите, и если вам не понравится мое изложение вашей истории, я уберу ее. Мы с вами обо всем договорились, и я вам гарантирую, что все наши условия будут соблюдены.

— Хорошо. Знаете, часто говорят, что детство жестоко, но мне кажется, что юность намного более жестока, чем детство. В моем случае происходило именно так. У меня была компания друзей с улицы Катерина-Альберт: самым близким был Матиас Хираль, но, кроме него, были Каналес, Руис, Инчаусти, братья Бош, Эрреро. Мы были примерно одного возраста и знали друг друга с восьми-девяти лет. Проводили время вместе на улице и ходили в Лас-Маристас, ближайшую к нам школу. Конечно, все мы были «чарнегос», за исключением братьев Бош. Те родились в Сабаделе и между собой разговаривали по-каталански. У меня не было братьев, только сестра, и не будет преувеличением сказать, что друзья занимали в детстве это вакантное место, играя роль моих братьев.

Однако все изменилось за год до того, как я познакомился с Сарко. Это произошло, когда в начале учебного года к нам в школу пришел новый ученик. Его звали Нарсисо Батиста, и он остался на второй год на втором курсе. Его отец являлся председателем городского совета и начальником моего отца. Я с ним уже был зна-

ком, потому что нам доводилось раньше несколько раз пересекаться. По этой причине и потому, что мы оказались за одной партией из-за наших фамилий (в списке учеников класса фамилия Каньяс значилась сразу после Батиста), я стал его первым другом в школе. Благодаря мне он подружился с Матиасом, а через меня и Матиаса — со всей нашей компанией. Вскоре Нарсисо стал среди нас лидером, которого у нас прежде никогда не было. Вероятно, наша компания нуждалась в вожаке, поскольку одно из всепоглощающих чувств юности — страх, и для борьбы с ним необходим лидер. Батиста был на пару лет старше нас, физически очень крепкий и умел заставить себя слушаться. К тому же он обладал всем тем, о чем только могли мечтать мы, «чарнегос»: в первую очередь он был из солидной, богатой каталонской семьи, хотя сами они считали себя испанцами и презирали все каталонское, национально-самобытное, особенно если оно происходило из Барселоны. У них была большая квартира в новом районе города, карта теннисного клуба, дом для летнего отдыха в С'Агаро и для зимнего — в Ла-Молина, а у самого Батисты имелся мотоцикл, дававший ему завидную свободу передвижения, и собственная нора на улице Ла-Рутля — старый, обветшавший гараж, где можно было проводить вечера, беспрепятственно наслаждаясь рок-н-роллом, пивом и сигаретами.

Сначала все было нормально, но позднее, за несколько месяцев Батиста изменил свое отношение ко мне: его симпатия превратилась в неприязнь, неприязнь — в ненависть, а ненависть — в агрессию. Почему это произошло? Не знаю. Часто, когда я размышлял об этом, мне казалось, что он просто выбрал меня в качестве козла отпущения, чтобы, издеваясь надо мной, избавить остальных в нашей компании от страхов и сомнений

юности. Однако, повторяю, я не знаю этого наверняка; единственный бесспорный факт — за короткое время я превратился из друга Батисты в его жертву.

Слово «жертва», конечно, звучит мелодраматично, но я предпочту скатиться в своем повествовании до мелодрамы, чем позволю себе допустить ложь. Батиста начал насмехаться надо мной. Его родным языком являлся каталанский, но он смеялся, когда я говорил по-каталански — не потому, что я говорил на нем плохо, а просто Батиста презирал тех, кто разговаривал на каталанском, не будучи каталонцем. Он смеялся над моей внешностью и называл меня Дамбо, потому что, по его словам, у меня были такие большие уши, как у этого диснеевского слоненка. Издевался над моей стеснительностью по отношению к девушкам, над моими «ботанскими» очками и «ботанскими» конспектами. Эти насмешки становились все ожесточеннее, мне не удавалось пресечь их, и мои друзья, поначалу лишь смеявшиеся над злыми шутками Батисты, в конце концов сами стали подражать ему. Вскоре слов стало мало. Батиста взял манеру якобы в шутку колотить меня кулаками по плечам или ребрам, ни с того ни с сего отворачивать оплеухи. Не зная, как реагировать на это, я смеялся в ответ и делал вид, будто отбиваюсь, пытаюсь представить подобное обращение игрой. Так было вначале. Позднее, когда стало уже невозможно притворяться, что это было невинное развлечение, мой смех сменился слезами и желанием убежать. Ведь Батиста, еще раз подчеркну, делал все это не один: он являлся заводилой, подстрекателем, инициатором издевательств, а остальные мои друзья, за исключением Матиаса, который иногда пытался все же остановить его, тоже в этом участвовали, превратившись в свору. На протяжении многих лет я старался забыть то время, но недавно, напро-

тив, заставил себя все вспомнить и заметил, что те эпизоды до сих пор прочно сидят в моей памяти, как нож, вонзившийся в тело. Однажды Батиста бросил меня в ледяной ручей, протекавший по парку Ла-Девеса. В другой раз, когда мы с нашей компанией находились в его гараже, мои друзья раздели меня и заперли голым на темном чердаке, где я долго глотал слезы, слушая доносившиеся снизу веселые крики, разговоры, смех и музыку. Однажды в выходные, когда я сказал родителям, что останусь ночевать в доме родителей Батисты в С'Агаро, ребята опять закрыли меня в гараже на Ла-Рутля. Там я вынужден был провести в одиночестве и темноте, без еды и питья, почти сутки: с середины субботы до полудня в воскресенье. В другой раз, в конце учебного года, когда я уже избегал Батисту, он напугал меня так, что мне показалось, будто он хотел меня убить. Всей своей компанией, включая Каналеса, Эрреро и братьев Бош, они устроили мне засаду в туалете возле внутреннего дворика школы и опустили меня головой в унитаз, куда только что помочились. Экзекуция длилась, вероятно, несколько секунд, но показалась мне мучительно долгой. Все это время я слышал за своей спиной дружный хохот бывших товарищей. Продолжить?

— Нет, если не хотите. Но, если вам становится от этого легче...

— Мне не становится от этого легче. Удивляюсь, зачем я вам все это рассказываю? Эта история с Батистой, как и многое из того, что я пережил в те времена, кажется мне просто сном, а не реальными событиями, произошедшими со мной. А вы, наверное, задаетесь вопросом, какое отношение все это может иметь к Сарко?

— А почему вы никому не пожаловались на издевательства?

— Кому? Учителям? Я был на хорошем счету в школе, но у меня не имелось никаких доказательств того, что происходило. Пожаловавшись, я рисковал прослыть лжецом или ябедником, а это усугубило бы ситуацию. Рассказать родителям? Мои отец и мать были хорошими людьми, любили меня, и я их любил, но в те времена отношения между нами испортились и перестали быть доверительными, чтобы я мог открыться им. Да и что я мог им сказать? В довершение всего, как я уже говорил, мой отец являлся подчиненным отца Батисты в городском совете. Если бы я сообщил отцу о том, что происходит, это не только превратило бы меня в лжеца и ябедника, но и поставило бы моего отца в сложное положение. Однако, несмотря на все это, меня одолевало искушение открыться ему, не раз я был уже практически на грани того, чтобы все рассказать, но в конце концов мне не хватало решимости. А если я не мог пожаловаться родителям, к кому вообще мог обратиться со своими проблемами?

В результате каждый поход в школу превратился для меня в настоящую пытку. Несколько месяцев я ложился спать в слезах. Мне было страшно. Я испытывал бесильную злобу и отчаяние, но больше всего меня терзало чувство вины из-за всех унижений, каким я подвергался, и это было унижительнее всего того, что со мной происходило. Я чувствовал себя загнанным в угол. Хотелось умереть. И не следует заблуждаться: все это дерьмо не научило меня ровным счетом ничему. Познать раньше, чем остальные, абсолютное зло — а именно его воплощением являлся для меня Батиста — не делает тебя лучше других: это делает тебя хуже. И никакой пользы от этого нет.

— Но именно благодаря этому вы познакомились с Сарко.

— Верно, однако это единственное, для чего послужила данная история. Это произошло после окончания учебного года, и на тот момент я уже не встречал своих бывших товарищей. Когда школа закрылась на каникулы, появилось больше возможностей прятаться от моих учителей, хотя в таком маленьком городе, как наш, это было непросто. Представлялось затруднительным полностью исчезнуть из поля зрения, чего я хотел добиться для того, чтобы мои заклятые друзья забыли обо мне. Нужно было не пересекаться с ними на улицах нашего района, избегать тех мест, какие мы раньше посещали вместе, обходить стороной окрестности гаража Батисты на Ла-Рутля и уклоняться под любым предлогом от приглашений Матиаса, продолжавшего заглядывать ко мне домой и звонить по телефону с предложением пойти куда-нибудь с их компанией. Очевидно, таким образом он пытался заглушить в себе угрызения совести и сделать вид, будто не было никакой травли, которой они меня подвергали. В общем, мои планы на лето состояли в том, чтобы до отъезда на отдых в августе выходить на улицу как можно реже и провести эти недели добровольного заточения, читая книги и смотря телевизор. Однако в действительности, каким бы затравленным и запуганным ни был подросток, в шестнадцать лет невозможно сидеть целыми днями дома — во всяком случае, я оказался на это не способен. Вскоре я стал отваживаться выходить на улицу и однажды рискнул наконец зайти в игровой зал «Виларо».

Именно там мне впервые довелось увидеть Сарко. Игровой зал «Виларо» находился на улице Бонаструкде-Порта, то есть в пределах района Ла-Девеса, перед железнодорожной эстакадой. Это был один из тех игровых залов для подростков, что пользовались популярностью в семидесятые и восьмидесятые годы. Он пред-